

У Цзюнь молча наблюдал за хлопотами Цзянь Мо. Он слегка удивился, когда тот, обжарив сливочное масло, порошок из цзяожуй и порошок из ракушек, не остановился на достигнутом. Вместо этого лекарь отставил сотейник в сторону, взял другую посуду и принялся подсушивать в ней крахмал из волосатого корня.

Заметив недоумение на лице вождя, Цзянь Мо пояснил:

— Если просто смешать приправы, получится жидкая подливка. Чтобы она превратилась в густой соус, нужно добавить крахмал — он свяжет все компоненты и придаст нужную густоту.

У Цзюнь понимающе кивнул. Юноша так и не понял, действительно ли собеседник уловил суть или просто доверился его опыту, а потому не стал докучать дальнейшими объяснениями. Он лишь улыбнулся и продолжил помешивать крахмал на слабом огне. Время от времени он приподнимал сотейник над углями, чтобы крахмал не пригорел.

В идеале следовало бы использовать обжаренную пшеничную муку, но за неимением лучшего приходилось обходиться крахмалом. Впрочем, в этом мире не было ни соевого соуса, ни устричного экстракта, так что при столь скудном выборе ингредиентов привередничать не приходилось.

Когда крахмал приобрел золотистый оттенок, Цзянь Мо пересыпал его к основной массе. Смесь в сотейнике забурлила крупными пузырями, и стоило аромату пряностей усилиться, как юноша влил туда заранее приготовленный мясной бульон.

Комнату мгновенно наполнил густой, дразнящий запах. Соус в горшочке аппетитно побулькивал, источая пряный, острый и невероятно аппетитный аромат, который будоражил чувства совершенно по-новому.

Как только соус из цзяожуй был готов, настала очередь мяса. Цзянь Мо привычными движениями разложил замаринованные куски на раскаленном камне, а рядом пристроил печеные корни мудин, слегка придавив их, чтобы они лучше подрумянились.

Когда мясо дошло до готовности, лекарь нарезал его на порционные куски, щедро полил горячим соусом и перемешал, чтобы каждый ломтик пропитался пряным жаром. Оставшиеся корни мудин он также обвалял в сотейнике, собрав остатки ароматной подливки.

Ужин был готов. Цзянь Мо с нетерпением пододвинул У Цзюню тарелку побольше, а сам принялся за свою порцию:

— Попробуй скорее, мясо с соусом из цзяожуй просто обязано быть великолепным!

Не дожидаясь ответа, он отправил первый кусочек в рот. В то же мгновение вкус жареного мяса и пикантная острота соуса слились в единый вихрь. Пряно, горячо, обжигающе — это было настолько насыщено и вкусно, что прежнее пресное и жесткое мясо теперь казалось лишь бледной тенью настоящей еды.

Цзянь Мо зажмурился от блаженства. Наконец-то, спустя столько дней, он снова почувствовал этот благословенный вкус остроты. Обычно по вечерам он ел немного, стараясь не перегружать желудок перед сном, но сегодня аппетит разыгрался не на шутку, и он съел гораздо больше привычного.

Запив плотный ужин прохладным лянъеинем, юноша откинулся назад. Теперь ему хотелось лишь одного — растянуться на шкурах и не двигаться. Жизнь определенно налаживалась.

У Цзюнь, закончив со своей порцией, принялся доедать остатки. Судя по скорости, с которой пустела тарелка, соус пришелся вождю по душе.

— Жаль только, что цзяожуй у нас совсем мало, — с легким вздохом заметил Цзянь Мо. — Долго еще до весны?

У Цзюнь на мгновение задумался, прикидывая в уме:

— Около ста шестидесяти или ста семидесяти дней. Если тебе так нравится эта пряность, мы можем слетать в племя Ледяной реки и выменять еще. Заодно и за жерновами заглянем — у них они добрые.

Они и раньше подумывали о каменных жерновах, но никак не могли найти подходящую породу камня. Собирались было в племя Мэншуй, да всё недосуг было.

— В племени Ледяной реки тоже есть жернова? — оживился Цзянь Мо.

— Да, в тех краях камня в избытке, и сделаны они неплохо. Если хочешь, полетим на крылатом звере — за день обернемся.

— Тогда давай завтра и отправимся. Я соберу немного ткани на обмен, вдруг получится выменять цзяожуй.

Ткань всегда была в цене среди звероловов, так что лекарь не сомневался в успехе сделки. Он решил избавиться от тех отрезков, чей цвет или выделка ему не слишком нравились, оставив себе лишь лучшее.

Зимой общих дел у племени было немного, так что им не пришлось ни с кем согласовывать свой отъезд. Уладив утренние хлопоты, они отправились в путь.

Крылатый зверь, которому за последние дни порядком наскучило безделье, встретил их радостным «Цзю-цзю-цзю». Цзюцзю даже не пришлось подгонять — стоило им устроиться на спине, как он послушно взял курс в сторону племени Ледяной реки.

К зиме шкура зверя стала еще гуще, мех — длиннее и пушистее, а сам он словно излучал живое тепло. Сидеть на нем было так же уютно, как на мягкой грелке. К тому же Цзюцзю заметно прибавил в весе, и его мягкая спина теперь казалась Цзянь Мо самым удобным местом на свете.

Мерный полет и тепло, исходившее от ящера и прижимавшегося сзади У Цзюна, подействовали на лекаря усыпляюще. Вождь надежно обхватил его руками, так что можно было даже не держаться за густой мех — упасть было невозможно. Вскоре Цзянь Мо мирно задремал.

Проснулся он лишь тогда, когда они уже достигли цели.

— Как быстро долетели, — пробормотал он, незаметно потирая лицо и радуясь, что не опозорился, пустив во сне слюни.

— Цзюцзю сегодня летел особенно резво, — кивнул У Цзюн.

Крылатый зверь был огромен, и в племени Ледяной реки их заметили задолго до посадки. И вождь, и лекарь были личностями известными, так что дозорные, узнав их и выяснив цель визита, беспрепятственно пропустили гостей внутрь.

Цзянь Мо с любопытством озирался. Это поселение тоже располагалось на возвышенности, но если Приречное племя находилось в речной долине, то здесь раскинулось горное плато. Юноша подумал, что если перевести название этих мест с языка звероловов, то оно звучало бы как «Бинцзянпин» или «Поляна у Ледяной реки».

Главным отличием этого места было глубокое, величественное ущелье, по дну которого с ревом неслись холодные воды.

Глава племени Ледяной реки по имени Кан Ин, узнав о прибытии важных гостей, вышел встречать их лично. Это был крепкий, рослый зверолов средних лет, на редкость подвижный и радушный.

Услышав, что им нужны жернова и пряность цзяожуй, он тут же вызвался показать готовые работы. Что же касается специй, он пообещал разузнать, у кого из соплеменников остались запасы, чтобы обменяться.

Для начала они отправились смотреть жернова. В окрестностях поселения повсюду громоздились валуны — вероятно, принесенные сюда древними ледниками. Среди камней буйно разрослись заросли красного колючего кустарника.

У Цзюн пояснил, что это и есть трава цзяожуй. Весной на этих колючих ветках распускаются огромные, полупрозрачные оранжево-красные цветы, чьи сердцевинки и есть пряность. Цзянь Мо с трудом мог представить, как эти неприглядные колючки превращаются в прекрасные цветы, и невольно восхитился чудесам природы.

Кан Ин вел их за собой, не переставая рассказывать:

— У нас есть уже готовые жернова. Если ни одни не приглянутся, можем выбрать подходящий камень, и мастера высекут новые специально для вас.

— Хорошо, — кратко отозвался У Цзюн.

Глава племени, уже знакомый с неразговорчивым нравом вождя, не обиделся на краткость и повернулся к лекарю:

— Только жернова и цзяожуй? Может, нужно что-то еще? Только скажи, я мигом распоряжусь.

— Пока нам нужно только это, — с улыбкой ответил Цзянь Мо.

Кан Ин был сама любезность:

— Если что понадобится — всегда заходите. На Охотничьем Турнире многие из наших воинов обращались к тебе за помощью, и все они очень тебе благодарны.

Теперь юноша понял причину такого необычайного гостеприимства:

— Не стоит благодарности, это обычное дело.

Разговаривая, они дошли до места, где работали камнетесы, и вскоре выбрали подходящие небольшие жернова. Все они были примерно одинаковы, главное — чтобы исправно мололи, так что долгих споров не возникло.

Закончив с выбором, Кан Ин помог им дотащить покупку до площади, где Цзянь Мо выменял пряности у местных жителей. Те оказались людьми честными и не стали завышать цену. Отдав всю привезенную ткань, лекарь получил взамен внушительный сверток цзяожуй весом в пару-тройку фунтов. От такой удачи глаза юноши радостно заблестели.

Довольный Кан Ин пригласил их к себе в дом — передохнуть и перекусить, а заодно обсудить дела племен с У Цзюном. Гости не стали отказываться: уходить сразу после такого теплого приема было бы просто невежливо.

Однако стоило им направиться к дому главы, как Цзянь Мо услышал за спиной чье-то прерывистое дыхание и оклик. Он обернулся и замер от удивления: к ним спешил огромный зверь с ярко-рыжим мехом и тремя пышными хвостами — нечто среднее между лисой и куницей.

В племени Ледяной реки все были из рода медведей, так что этот чужак явно пришел издалека. Судя по облику, он принадлежал к племени Хунчжэн.

Зверь в несколько прыжков настиг их. Сначала он хрипло поздоровался с Кан Ином, а затем обратился к юноше:

— Доктор Цзянь Мо! Мой сын занемог... Я искал тебя в Приречном племени, но мне сказали, что ты улетел сюда. Я бросился вдогонку.

Услышав о больном ребенке, лекарь тут же посерьезнел:

— Кто болен — малый зверолод или полузверолод? На что жалуется?

— Сын-зверолод. У него на спине выскочил огромный нарыв. Несколько дней мы прикладывали травы, и опухоль вроде стала спадать... Но сегодня утром он внезапно загорелся весь, прямо в руках жар чувствуется. Мы очень испугались и сразу за тобой.

Цзянь Мо огляделся по сторонам, ища глазами ребенка.

— Я побоялся везти его по такой дороге, растрясло бы совсем, — тяжело дыша, пояснил рыжий зверь. — Оставил его в вашем поселении. За ним сейчас присматривают Цин Ко и моя пара.

Услышав имя надежного Цин Ко, лекарь немного успокоился. Он взглянул на У Цзюна, и тот, судя по всему, тоже не выказал лишней тревоги.

Цзянь Мо немедленно засобиравшись домой. Он виновато посмотрел на Кан Ина, но тот лишь махнул рукой:

— Ребенку плохо, тут не до разговоров. Летите скорее, пообщаемся в другой раз.

— Прости, что так вышло, — отозвался Цзянь Мо. — Как будет время, заходи к нам в гости, мы встретим тебя как полагается.

— Ступайте уже! — Кан Ин кивнул на жернова. — Крылатый зверь поднимет такой груз? Если нет, оставьте здесь, я пришлю кого-нибудь доставить их позже.

— Поднимет, — ответил У Цзюн. Он поблагодарил Кан Ина и обратился к рыжему зверю: — Возвращайся в Приречное племя. На Цзюцзю мы будем там гораздо быстрее тебя.

Тот не стал спорить и тут же припустил обратно.

Цзянь Мо и У Цзюн, погрузив жернова и пряности, устроились на спине зверя. Каменные круги были не слишком тяжелыми, и Цзюцзю без труда поднялся в воздух. Лекарь попросил ящера лететь как можно быстрее, и тот, словно почуяв важность момента, прибавил скорости.

Путь по воздуху был гораздо короче, так что к моменту их возвращения рыжий зверь из племени Хунчжэн еще не успел добраться до поселения. Зато их встречал Бань Мин, которого предусмотрительный Цин Ко отправил дожидаться у ворот.

— Братец Цзянь Мо, вождь! — закричал он, увидев их. — Мои родители и гости ждут вас в доме, идите скорее, а я привяжу Цзюцзю.

— Спасибо, Бань Мин! — на ходу бросил лекарь.

Они поспешили к дому. Под навесом их ждал Цин Ко вместе с незнакомым полужверолодом. Тот прижимал к груди маленького рыжего зверенка. Мех малыша слипся от пота, три пушистых хвостика безвольно повисли. Малыш тяжело и часто дышал с закрытыми глазами — дело было плохо.

Увидев Цзянь Мо, полужверолод вскрикнул от облегчения:

— Доктор! Наконец-то вы здесь!

Лекарь тут же шагнул к нему:

— Показывай скорее. Где нарыв?

Родитель осторожно развернул ребенка:

— На спине.

На первый взгляд спина казалась ровной, нарыв не выступал наружу, и всё выглядело не

слишком пугающе. Однако стоило Цзянь Мо коснуться кожи, как он почувствовал под пальцами обширное твердое уплотнение.

Сердце ветеринара екнуло. Такая площадь воспаления почти наверняка означала глубокую инфекцию. Это могла быть бактериемия или сепсис. При легкой форме бактериемии малыш мог выжить, но сепсис часто сопровождается отказом органов, что несет серьезный смертельный риск.

Ситуация была критической.

— Несите его внутрь, — распорядился Цзянь Мо.

Заметив, как помрачнел юноша, отец малыша побледнел и послушно последовал за ним.

Проведя тщательный осмотр, лекарь вынес вердикт:

— Мне придется вскрыть нарыв и вычистить гной. Но предупреждаю сразу: это опасно. Я не могу гарантировать, что после этого он поправится.

Лицо полузверолода стало белым как полотно:

— Что же нам делать?

— Если не вскрыть и не убрать очаг заражения, он, скорее всего, погибнет. Сейчас это наш единственный шанс.

— Но... но...

Цзянь Мо твердо посмотрел ему в глаза:

— Поймите меня правильно: если мы начнем лечение, я сделаю всё, что в моих силах, чтобы спасти его. Но я должен быть уверен, что в случае неудачи вы не станете винить меня или говорить, что это я погубил его.

Помолчав, он добавил:

— Если вы не согласны на разрез, можете забрать его и поить отварами, но я не ручаюсь за исход.

— Да как же мы станем винить тебя? — пролепетал отец. — Ты ведь уже помог Тай Яню, мы верим тебе...

Цзянь Мо кивнул и взглянул на У Цзюна. Вождь, поняв его без слов, произнес сурово:

— Лечи. Никаких бед не будет, я за это отвечаю.

Лишь после этого лекарь окончательно успокоился. Он хотел спасти ребенка, но не мог допустить, чтобы это обернулось бедой для него или всего племени.

Цзянь Мо расстелил чистую подстилку и велел уложить на нее маленького зверолода. Первым делом он попросил Цин Ко принести ледяной воды, чтобы обтираниями сбить жар. Сейчас действовать нужно было немедленно.

Пока Цин Ко ходил за водой, юноша развел огонь, чтобы прокипятить инструменты и приготовить соляной раствор. Вскоре примчался и отец семейства — тот самый рыжий зверь. Услышав от своей пары условия лечения, он твердо пообещал, что каков бы ни был исход, никаких претензий к лекарям у них не будет.

Подготовив всё необходимое, Цзянь Мо попросил всех выйти, оставив только У Цзюна — тот должен был удерживать малыша. Зрелище разреза и чистки гнойника могло стать слишком тяжелым испытанием для неподготовленных родителей. Вождь же, не раз помогавший в подобных делах, был спокоен.

Маленький Тай Янь лежал в глубоком беспамятстве. Глядя на его звериный облик, юноша на миг почувствовал себя как в своей прошлой жизни, в операционной. Это дело было ему знакомо до мелочей. Стоило операции начаться, как он полностью погрузился в процесс, сосредоточив всё внимание на очаге болезни.

Работа была несложной, но требовала ювелирной точности. Вскоре всё было закончено. Гноя, крови и омертвевших тканей набралось почти полтазика — зрелище не для слаонервных.

Наложив повязку, Цзянь Мо вышел к родителям:

— Операция окончена, теперь остается только ждать. Было бы лучше, если бы вы оставили его у меня на пару дней. Так я смогу следить за раной и вовремя вмешаться, если что пойдет не так.

Понятия «больница» в этом мире не существовало, но состояние Тай Яня было тяжелым, и долгий путь домой мог его погубить. Родители, разумеется, согласились без колебаний.

— Доктор Цзянь Мо, спасибо тебе! — с чувством выдохнул отец семейства. — Если бы не ты, Тай Янь бы пропал.

— Пока еще рано радоваться, — честно ответил юноша. — Опасность еще не миновала.

— И всё же теперь у него есть шанс.

Цзянь Мо взглянул на У Цзюна:

— Проводи гостей отдохнуть, я позову, если что случится.

— Я всё устрою.

Пока вождь занимался размещением прибывших, лекарь вернулся к больному. Он привел в порядок инструменты, сжег использованные материалы и простерилизовал всё остальное.

Здоровье звероловов было воистину феноменальным. Уже к вечеру жар у Тай Яня спал, он пришел в себя, но рана сильно ныла, и малыш то и дело тихонько поскуливал. Глядя на этот пушистый комочек, распластавшийся на шкурах и обливающийся слезами, Цзянь Мо почувствовал, как сердце его сжимается от нежности. Он долго гладил кроху по голове, нашептывая утешения.

На ужин он приготовил для него легкий бульон с разваренными корнями. Мясо он предварительно обдал кипятком, коренья тщательно очистил, и в итоге получился прозрачный, наваристый суп. Тай Янь, несмотря на боль, с аппетитом уплел три порции. Хороший аппетит внушал надежду на скорое выздоровление.

Цзянь Мо немного перевел дух. Родители, заглянувшие проведать сына, тоже заметно повеселели. Юноша подтвердил, что жар спал и сознание вернулось, а значит, дело пошло на поправку.

Тай Яню еще требовались перевязки и лечебные отвары, так что Цзянь Мо с позволения У Цзюна оставил его в доме. Родители же, убедившись, что сын в надежных руках, отправились к себе, пообещав навещать его. В знак благодарности на следующий день они привезли десять рулонов ткани и две корзины различных съедобных корней. Юноша посчитал, что это слишком много, и вернул три рулона, настояв, чтобы Тай Янь остался у него еще на несколько дней — для верности и опыта.

Рана еще не затянулась, и любое движение причиняло крохе боль, так что он пока не мог принять человеческий облик. Однако с каждым днем он становился всё бодрее и вскоре уже вовсю носился по дому, волоча за собой три пушистых хвоста. Даже в звериной форме он умел говорить, и его звонкое щебетание наполнило дом вождя непривычным оживлением.

Как-то вечером, когда Тай Янь уже мирно посапывал на своей подстилке, Цзянь Мо заботливо подоткнул ему одеяло и устало опустил на свои шкуры.

У Цзюн негромко произнес:

— Ты совсем вымотался.

— Пустяки, ты ведь тоже помогал. Думаю, еще пару дней — и его можно будет отпускать домой.

Цзянь Мо немного переживал, не слишком ли докучает нелюдимому вождю этот шумный маленький гость. Но У Цзюн лишь покачал головой:

— Не беспокойся об этом. Главное, чтобы малый поправился.

Усталость всё же давала о себе знать, и на следующее утро юноша чувствовал себя не слишком бодро. Чего нельзя было сказать о Тай Яне: за день он окончательно окреп и уже рвался на улицу — играть с другими детьми племени. Местная детвора приняла приемыша дружелюбно.

Цзянь Мо, наблюдая за ними, строго-настрого запретил Тай Яню прыгать и затевать буйные игры, чтобы не повредить рану. Он также попросил старших ребят присмотреть за малышом, и те дружно пообещали быть начеку. Пришедшие днем родители окончательно успокоились, видя своего ребенка столь полным жизни. Лекарь предложил им не утомлять себя ежедневными визитами: теперь состояние Тай Яня было стабильным, оставалось только дожидаться полного заживления раны.

В доме У Цзюна и Цзянь Мо всегда находилось место для гостей, но в этот раз тишину нарушило неожиданное происшествие. В дом вбежал котенок Бань Цзю и, широко распахнув глаза, затараторил:

— Братец Цзянь Мо... там... там драка, мяу!

Лекарь вскочил:

— Кто дерется?

Котенок, еще не привыкший к человеческой речи, от волнения перешел на кошачий:

— Мяу! Тай Янь... они... с Цзюцзю... мяу!

— С крылатым зверем?! — ахнул Цзянь Мо.

Бань Цзю закивал головой так часто, что едва не свалился. Юноша не на шутку встревожился: ящер был огромен, и если он разойдется, детям несдобровать. Схватив котенка на руки, он

бросился на задний двор.

К счастью, до настоящей свалки дело не дошло. Рядом стоял Бань Мин, так что серьезной беды случиться не могло.

— Что здесь происходит? — выдохнул Цзянь Мо.

Бань Мин басом отозвался:

— Да ничего особенного. Ребята расшумелись рядом с Цзюцзю, а ему это не понравилось, он на них прикрикнул. Малыши, конечно, в долгу не остались, вот и переругиваются теперь.

Цзянь Мо перевел взгляд на ящера. Тот, видимо, сообразив, что перегнул палку, сидел на земле, понурив голову. Он прикрыл макушку лапами и смотрел исподлобья, не смея встретиться взглядом с хозяином. Малыши тоже, как один, отвели глаза.

Юноша не знал, злиться ему или смеяться.

— Как же так вышло?

— Цзюцзю злой! — подал голос Цзян Син. — Он первый начал на нас шипеть, мы просто ответили!

— Вот именно! — поддакнул Хэ Фэн. — Он так зарычал, что у Бань Цзю и Тай Яня вся шерсть дыбом встала!

Котенок на руках лекаря согласно пискнул:

— Ми-и.

Бань Мин усмехнулся:

— У Цзюцзю сильно развито чувство территории. Он даже птиц отгоняет, а тут такая шумная ватага. Не стоит его винить.

Цзян Син возмущенно сморщил носик:

— Бань Мин, ты на чьей стороне вообще?!

— Я на стороне правды.

Детвора дружно одарила Бань Мина гневными взглядами, и даже маленький Бань Цю не остался в стороне, грозно мякнув.

— Тай Яню нельзя далеко уходить, вот мы и играли здесь! — продолжал возмущаться Цзян Син. — Цюцзю просто вредный. Он только с тобой, братец, паинька, а на нас вечно косится!

Пристыженный крылатый зверь издал жалобный звук:

— Инг...

Вся компания — и дети, и огромный ящер — замерли в ожидании вердикта Цзянь Мо. Тот смотрел на эти чистые глаза и впервые почувствовал, что зашел в тупик. Крылатый зверь был верным помощником, но и дети всегда старались помочь ему.

Понимая, что сейчас нужно как-то примирить обе стороны, Цзянь Мо выждал паузу и спросил:

— Я как раз собирался заняться молоком и приготовить фруктовый лёд. Будете?

У детей и ящера глаза округлились одновременно. Обиды были мгновенно забыты.

— Конечно! — первым с азартом выпалил Бань Мин, напрочь позабыв о том, что он уже взрослый. — А что это такое — фруктовый лёд?

<http://bllate.org/book/15825/1435301>